

башне Давида; тогда и он бросился через южные ворота в Иерусалим, истребляя на пути тех, которые бежали с севера от меча Готфрида; после того автор переходит к рассказу о сценах ужаса, которые произошли в верхнем храме, куда сбежались все, ища спасения от неприятеля.

XX. Большая часть парода бежала в портик храма (Соломона, на горе Морна), как потому, что это место было самое отдаленное в городе, так и потому, что оно было слабо укреплено степой, башнями и крепкими воротами (см. описание храма выше, в гл. III). Это бегство не было, однако, для них спасением, ибо государь Танкред отправился туда немедленно со значительной частью своего войска. Он ворвался силой в храм и убил там бесчисленное множество народа. Он, говорят, унес из храма несметное множество золота, серебра и драгоценных камней, но впоследствии, когда произошло смягчение, возвратил, как полагают, все в целостности. После и прочие князья, избив всех, кто попадался им в нижних частях города, отправились в храм, в ограде которого, как они слышали, укрылось множество парода. Они вступили туда со множеством конных и пешеходных людей и, не щадя никого, перекололи всех, кого напши, мечами, так что все было облито кровью. Произошло же это по справедливому приговору Господню, и те, которые оскверняли святыню своими суеверными обрядами и лишили ее верный народ, очистили ее своей кровью и заплатили жизнью за свои злодеяния. Страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены, и как вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но еще более приводит в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног. В черте храма, говорят, погибло до 10 тысяч неприятеля, кроме тех, трупы которых валялись по улицам и площадям и которые были умерщвлены рассеянно по городу; говорят, число таких было также немало. Остальная часть войска разошлась по городу и, выгнав как скотов из узких и отдаленных переулков тех, которые там укрывались от смерти, убивали их на месте. Другие, разделившись на отряды, ходили по домам и

извлекали оттуда отцов семейств с женами и детьми, прокалывали их мечом или сбрасывали с кровель и, таким образом, ломали им шею. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем, находившимся в нем, ибо еще до завоевания города было условлено между ними, что по завоевании каждый присваивает себе на вечные времена все, что он успеет захватить. Ходя таким образом по городу, чтобы врваться в дома жителей и их тайные убежища, каждый, в знак овладения домом, вспал на дверях свой щит или другое оружие, чтобы через то объявить другим, что они должны идти дальше, ибо это место имеет уже для себя господина.

XXI. Когда город был совершенно завоеван и жители умерщвлены, князья после восстановления спокойствия сошлись вместе, прежде чем сложили оружие, и определили, чтобы для большей безопасности башни были заняты стражей и у каждых ворот города поставлены верные люди привратниками, пока по общему их согласию и по определению князей не будет вверена охрана города одному, который устроит все по своей воле. Они были правы, остерегаясь неприятелей, окружавших их со всех сторон, и опасаясь неожиданного нападения. Когда таким образом в городе был восстановлен порядок, они сложили оружие, омыли руки, облеклись в чистые одежды и пошли с уничтоженным и сокрушенным сердцем, плача и воздыхая, с босьми погами к тому месту, которое Спаситель прославил и освятил своим присутствием, и с величайшим благоговением прикладывались к нему. У храма Страстей и Воскресения Господня им вышел навстречу народ верных и духовенство, несшие столько лег безвинно тяжкое иго, с крестами и образами святых; они благодарили своих избавителей, даровавших им свободу, и отвели их в упомянутый храм с пением духовных гимнов. Было трогательное зрелище, напоившее сердца святым восторгом, видеть, с каким благоговением народ вступал в святое место и с какой задумчивой радостью и торжеством целовал землю, на которой Господь пострадал. Повсюду слезы, повсюду воздыхания, но не те, которые производят печаль и горе, а те, которые приносятся Богу